

GENNADY DOBROV

**AUTOGRAMME DES KRIEGES
АВТОГРАФЫ ВОЙНЫ**

ГЕННАДИЙ ДОБРОВ
1937-2011

АВТОГРАФЫ ВОЙНЫ

Геннадий Добров

Книга издается в авторской редакции

В книге представлены работы художника *Геннадия Доброва*

Оригинал-макет: *Ольга Мороз*

Обложка: *Ольга Мороз*

ISBN 978-5-996512-62-1

Посмертный сайт художника

www.gennady-dobrov.ru

В издании использованы материалы из книги

«Ночные летописи» Геннадия Доброва.

www.booksnonstop.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Марина Тимофеева, 2020

©BooksNonStop, 2020

Посвящается жене художника Людмиле Добровой

*Вообще все мое творчество (я бы сказал «выставочное»)
началось с появления Люси, со знакомства с Люсей, с нашей
свадьбы.*

Геннадий Добров

Книга «Ночные летописи Геннадия Доброва» появилась благодаря самым трагическим обстоятельствам в жизни художника.

К началу 2006 года он практически ослеп. Это стало следствием и диабета, и гипертонии, и нескольких тяжёлых поездок в Афганистан... Он потерял возможность работать на холсте, рисовать на бумаге, писать ручкой, самостоятельно передвигаться по улице. Это было невыносимо мучительно для его деятельной натуры. К тому же наша мастерская на Таганке, где мы жили, не отапливалась уже несколько лет, и согреваться приходилось печками и грелками.

И тогда пришла мысль о записи воспоминаний. Был куплен диктофон, освоено управление... Записи проходили в морозном январе–феврале по ночам, в полной тишине, темноте и одиночестве.

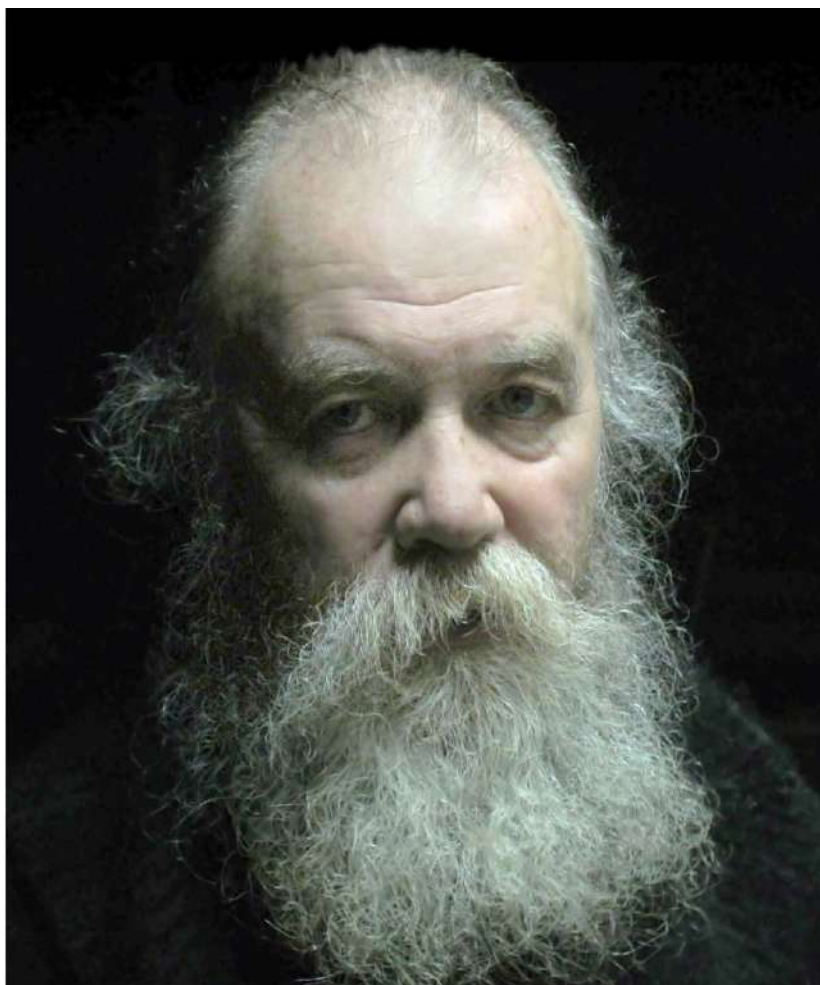
Художник лежал, обложенный грелками, бутылками с горячей водой, укрытый одеялами и шубами. Он был

наедине со своими дорогими воспоминаниями... Рассказывая, он переживал и плакал, иногда смеялся, иногда, вспоминая что-то, напевал... После каждого такого ночного сеанса давление у него зашкаливало.

Он сам назвал эту работу «Ночные летописи». Общая их продолжительность 163 часа, – это повесть обо всей его жизни. Расшифровывая эти записи уже после ухода художника, я снова слышала родной голос, проникалась его мыслями и чувствами.

Он по-прежнему рядом...

Людмила Доброва

*«Мне же пришлось идти очень сложным путем —
отстаивать свою независимость в искусстве»*

Геннадий Добров

Свой путь...

Геннадия Доброва очень точно называют «Достоевским в карандаше» Творчество его парадоксально и шокирующе. Вслед за мастером слова, художник уводит зрителя в мир боли и страдания, в мир отчаяния и скорби. Судьбы его героев трагичны, а порой безысходны. Он показывает нам инвалидов войны, узников концлагерей, нищих, сумасшедших, бездомных. Геннадий Добров создает галерею портретов, которые поражают зрителя одновременно и своей достоверностью, и глубиной психологического проникновения, и универсальностью символа.

Над антивоенным графическим циклом «Автографы войны» мастер работал шесть лет. За эти годы он посетил множество домов для инвалидов Великой Отечественной войны в разных городах Советского Союза — от острова Валаам до Армении и Сахалина, где рисовал с натуры искалеченных физически, но не духовно людей. Всего 36 портретов. К некоторым из них художник сделал подробные комментарии, другие остались безымянными. За каждым образом стоит не только судьба конкретного человека, но и великая общечеловеческая трагедия. Сама беспощадная разрушающая сила войны станет главным образом и главным лейтмотивом жизни и творчества художника.

Еще шесть лет ждали эти работы встречи со зрителем. Это было время абсолютного неприятия и абсурдных рецензий. Первый показ рисунков состоялся только в 1986 году в Доме художника. Дальнейшая судьба этого цикла не менее парадоксальна, чем история его создания.

Неожиданно громкий успех, многочисленные выставки, хвалебные отзывы и награда медалью „Борцу за мир, за дружбу между народами». Все портреты этого цикла приобрел центральный музей истории Великой Отечественной войны на Поклонной горе, где они хранятся до сих пор. И уже после смерти художника «Автографы войны» увидели западные зрители. Выставки были организованы в Германии и Венесуэле.

Геннадий Добров выбрал безрадостный и мучительный путь — сострадания чужой боли, сопереживания чужой трагедии. И именно это чувство единства со всем Человечеством возвышает наследие художника до уровня мировой культуры.

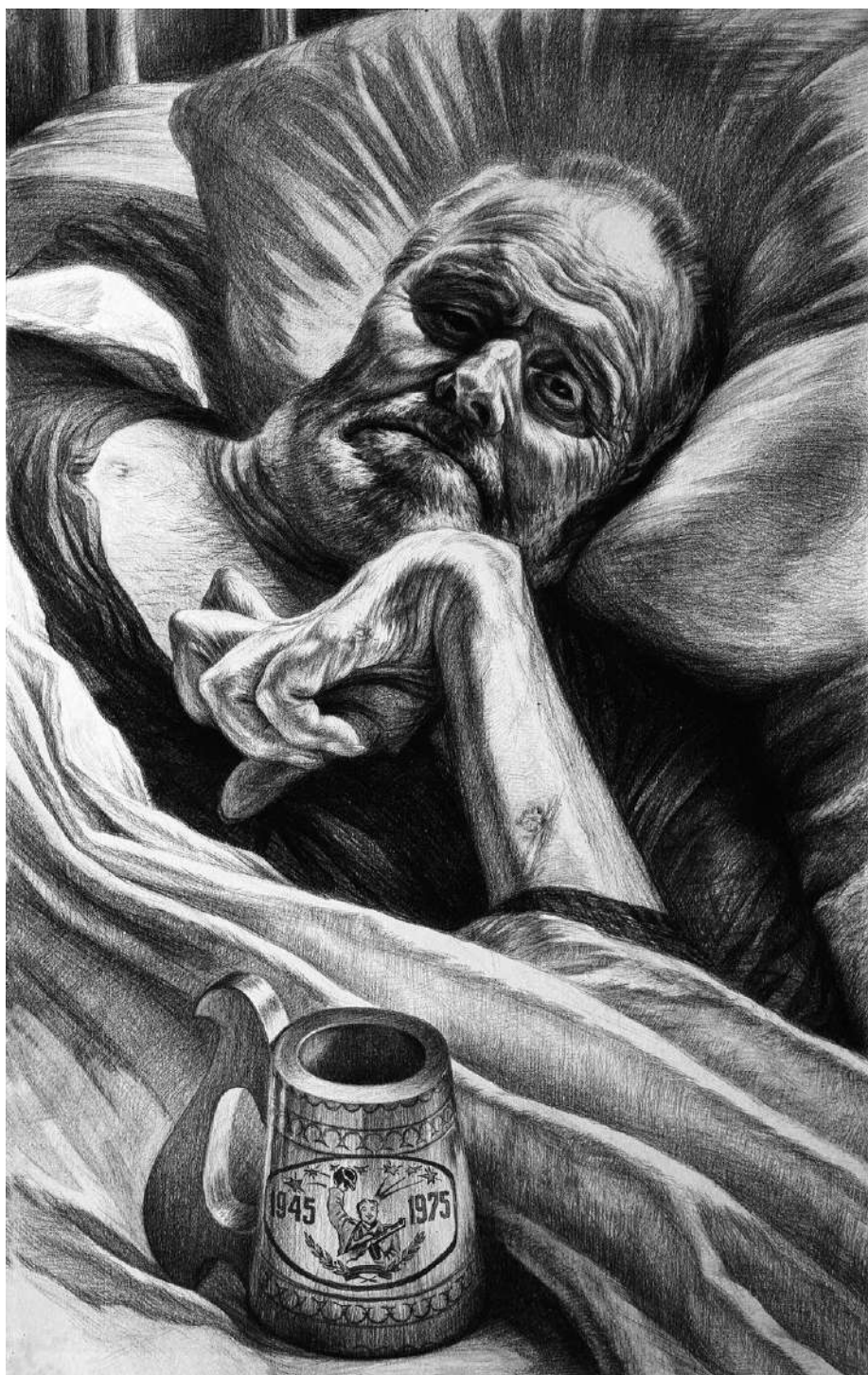
Марина Тимофеева

Остров Валаам. Новой войны не хочу. Виктор Попков

Войны — это нарушение нравственного закона, это издевательство над нравственным законом. И все равно этот закон такой большой, всеобщий и сильный, что даже иногда происходит братание разных армий во время войны. А при заключении мира люди прощают обиды, которые им были нанесены во время войны. И снова дружат народы, потому что этот закон един для всех национальностей без исключения, и он существовал всегда.

**Омск. Гусельников.
Тридцать лет быть
прикованным к постели**

Я начал с Омска. пришел в этот Нежинский дом-интернат, который состоял из нескольких

деревянных одноэтажных бараков. Инвалиды в палатах жили так скученно, койки так близко стояли друг к другу, что невольно подумал — как же тут рисовать? Там находился один инвалид войны — Гусельников, который тридцать лет лежал на кровати не двигаясь — он имел ранение в позвоночник., и у него была перебита рука. я прислонил свою доску к его кровати, а сам сел на соседнюю койку, где лежал инвалид с огромной грыжей между ног, очень тяжелый и неопрятный. И вот в таких условиях я работал несколько дней.

**Москва.
Максим Кречик.
Ветеран войны и труда**

И следующее мое знакомство состоялось с
Максимом Геевичем Кречиком, украинцем. Я

сначала с ним созвонился, а потом пришел (он жил в переулочке около Даниловской площади с женой Тамарой и ее сыном, школьником). Максим Геевич ничего не видел, пуля прошла ему по лицу, выжгла сразу оба глаза. А в остальном он был здоровый, крепкий, огромного роста и с сильными руками. А когда он сел и китель свой накиннул — там у него столько медалей оказалось, что лавина свисала до самого стола. Он работал на дому, собирал патроны для электрических лампочек. С начала брал керамическое основание патрона, руками нащупывал там медные контакты, вставлял детали и отверткой закручивал шурупчики. Это довольно ювелирная, утомительная работа даже для зрячего, а он все делал на ощупь.

Волжский. В тихий час

В этом интернате в городе Волжском я познакомился с женщиной, которая после войны осталась с одной рукой, а обе ноги у нее были так перекошены, что она ходила немного приседая. Но каждый день в шесть утра она вставала, брала швабру и ведро, и мыла вестибюль и лестницу, пока другие инвалиды еще спали. Никто ее не заставлял этого делать, ничего ей за это не платили, но она каждый день убиралась. Я сам видел, как она сначала сворачивала ковровые дорожки, а потом этой шваброй в одной руке начинала ловко протирать полы.

Возвращение

Христианство, непотивление злу насилием, вернее, противление злу добром - я бы сказал, что это чрезвычайно увлекшая меня мысль. И я хотел бы, чтобы в моих рисунках эта мысль тоже присутствовала.

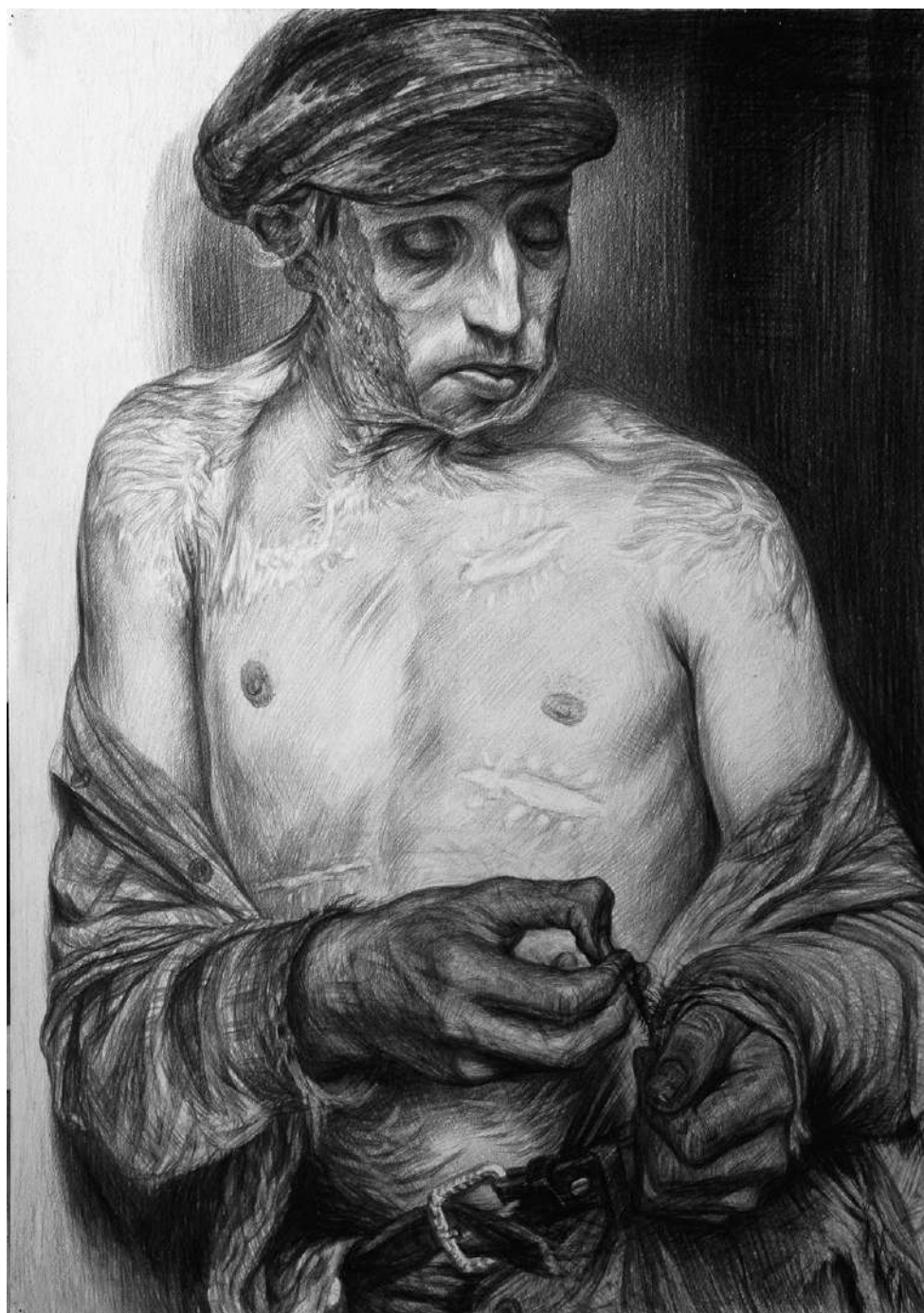
**Ахтанак.
Армения.
Армянская мелодия**

И вдруг слышу звуки флейты. Я иду на эти звуки и вижу слепую женщину в длинном пальто, в платке, и

руки у нее какие-то толстые, совершенно не музыкальные, и сама она слегка опухшая. Но она с упоением играет на самодельной дудочке, выводит красивейшую мелодию, арию из оперы « Ануш». Я был потрясен...Я никогда не думал, что мелодии в Армении так красивы. Я воспитывался на классической музыке, на народной русской музыке, поэтому я совсем не знал творчества других народов, особенно южных. Но там я понял, что в глубине души любого народа, в глубинах чувств совершенно простых, не требующих многого от жизни, людей прячется столько красоты, столько любви и нежности, что это просто что-то необыкновенное.

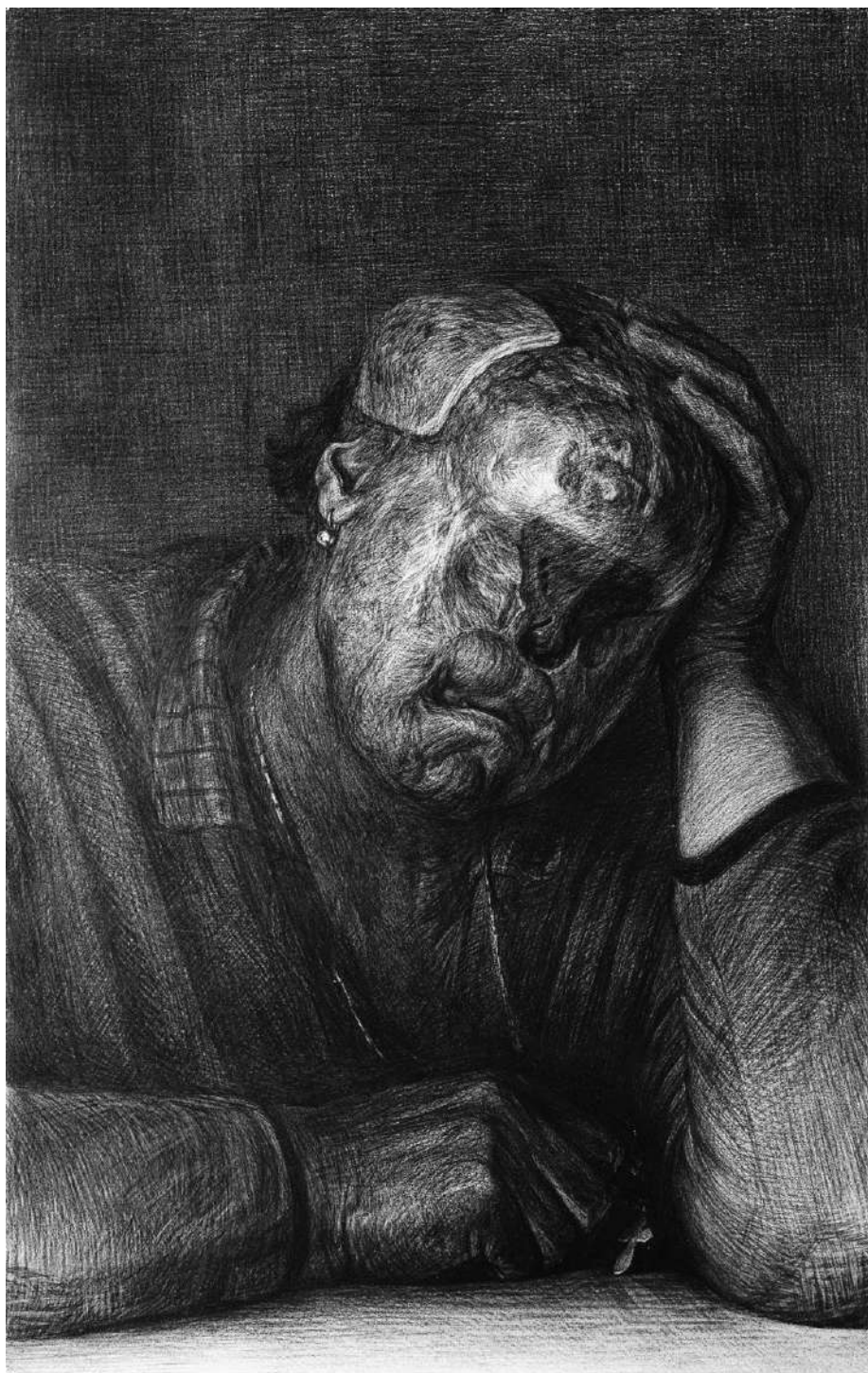
**Бахчисарай.
Мальчик-еврей сирота**

В Бахчисарае я сделала несколько рисунков, и каждый рисунок являлся рассказом, я хотел, как бы передать в рассказе всю жизнь этого человека. Я увидел обожженного мальчика — и лицо, и шея, и грудь, и руки — все у него было в рубцах, одна рука

даже скрючилась от ожога. Я его начал рисовать 8 как образ пострадавшего от войны). Потом он пошел обедать, приносит булку с маслом и протягивает мне: это вам. — Я удивился: да зачем мне, это же тебе дали? — Он говорит: нет, я не хочу, кушайте, пожалуйста. А я уже отвык от заботы, мне приятно так стало.

Автографы оккупантов

Инвалиды же войны ничего не требовали, ничего не просили, никуда не писали, их все устраивало. Около их кроватей стояли тумбочки, и на них лежали (или висели на спинке кровати на привязанной простыни) ордена и медали. Я их как-то спросил: у

вас какие-то шкафы тут есть для вещей? Они удивились: какие вещи? Вот эти ордена нам дали за то, что мы воевали и победили, они и есть наши вещи, и нам другого ничего не нужно, остальное все нам дают.

Атак. Валентина.

Возвращение с прогулки

Там жила одна слепая женщина, инвалидка без обеих ног, торс ее заканчивался кожаным мешком, который терся по земле, он держался на ремне на поясе. Опиралась она на руки в перчатках, чтоб не покарябать руки, и с такими трудностями передвигалась. И вот я смотрю -она возвращается откуда-то с прогулки. На ней одета вышитая кофточка, а за пояс она засунула букетик полевых цветов. Сзади у нее росла длинная коса, которая оканчивалась огромным бантом. И я думаю...в таком положении человек остался — совсем без ног, не видит, но, оказывается, и так можно жить, и так можно ходить на прогулки, и так же радоваться жизни. Чаше плачут как раз те, у которых все есть — и ноги, и руки, и квартира, и достаток, и семья, — а все равно возникают какие-то истерики, недовольства, слезы. А чем меньше у человека остается возможностей, тем он вдруг спокойнее становится и как бы даже радостнее воспринимает

окружающую жизнь. Вот парадокс. Это я замечал и потом, в других ситуациях.

Москва. Детские слезы

Особо я хочу рассказать о посещении протезного института в Москве...Однажды после рисования стою, мою руки от следов грифелей. Вдруг подбегает

мальчик маленький без обеих ручек. Голова вся забинтована (потому что бегают, падает, расшибается). И он так смотрит на меня и спрашивает: дядя, а что ты делаешь? Я прямо вздрогнул, растерялся от его вопроса. А потом догадался, что он не понимает, что я делаю — у него же нет ручек. Разве такое забудешь? В этом протезном институте я сделал два рисунка с детьми, как образы детей — инвалидов (а разве их не было после войны?).

Тихая

Когда я начал работать над серией инвалидов войны, я понял, что делаю то, что давно хотел, что это мое. И поэтому в дальнейшем я уже не пытался никуда сворачивать в сторону, а рисовал только то, как я считал, что мне предназначено судьбой, я не

торопился, работал спокойно, поэтому у меня на 35 рисунков ушло примерно шесть лет. И хотя на общие выставки рисунки у меня не брали, я не очень волновался, потому что для себя решил — сделаю 40 рисунков, а потом попытаюсь устроить персональную выставку. Проблема у меня была только с дорогой — чтобы хватило денег доехать и вернуться. А на месте, в самом доме -интернате, у меня все шло уже по определенной схеме — я приезжал и платил в бухгалтерию за питание столько же, сколько это стоило для инвалидов (там примерно выходило по полтора рубля в день)

**Бахчисарай.
Дом-интернат.
Детское отделение**

А потом я зашел в другое отделение этого дома-интерната, детское, там находились брошенные

дети, и эти дети как набросились на меня...один обнимает, кричит: ты мой папа, ты мой папа! Ты пришел! Как хорошо, что ты пришел! я тебя так долго ждал (вцепился в меня ручонками). Другой мальчик с другой стороны тоже пытается меня обнять: нет, это мой папа, это мой папа., он ко мне пришел...папа, ты возьмешь меня домой? И другие тут сжимают меня со всех сторон. Все кричат: ты мой папа. ты хотел прийти, ты пришел, давай поедem с тобой домой. Я просто не мог, думаю — как же я вырвусь от них? Ой, так тяжело было на них смотреть, на этих детей. И всем им казалось, что я их возьму и мы куда-то поедem.

По ту сторону добра и зла

Эти работы получились у меня антивоенные. И даже когда я рисовал бывших солдат, то все равно они выглядели у меня не отважными героями без тени сомнения, а людьми, пережившими войну, и в тоже время сожалевшими о том, что им эту войну пришлось пережить, — что лучше бы совсем не было этой войны и что новой войны они не хотят. То есть в этой серии оказались сильны христианские идеи — не брать в руки оружие вообще. А хотя им пришлось и воевать, и побеждать, но все равно мир для этих людей был дороже, чем война.

**Клин.
Портрет женщины
с сожженным лицом.
Нюра Иванова**

Этот лист получился одним из самых сильных моих рисунков на тему о жертвах войны. о жертвах. Никто ее не мучил, но все равно она жертва войны.

Так вот мы сидели — я рисовал, она рассказывала. Потом спрашивает: Гена, хочешь я тебе спою?

В песне Душа народа, а Душу нельзя ковырять и переделывать, кому как хочется. Надо просто ее слушать. Слушать и наслаждаться красотой русской Души. Это необыкновенная откровенность. Такой откровенности нет ни у одного народа. Я поездил по миру, был и в Европе, и в Азии — нет нигде таких песен. Нет. Это только в России. И слова, и музыка, и чувства, и какое-то глубочайшее проникновение в Душу человека. Это... что-то невероятное.

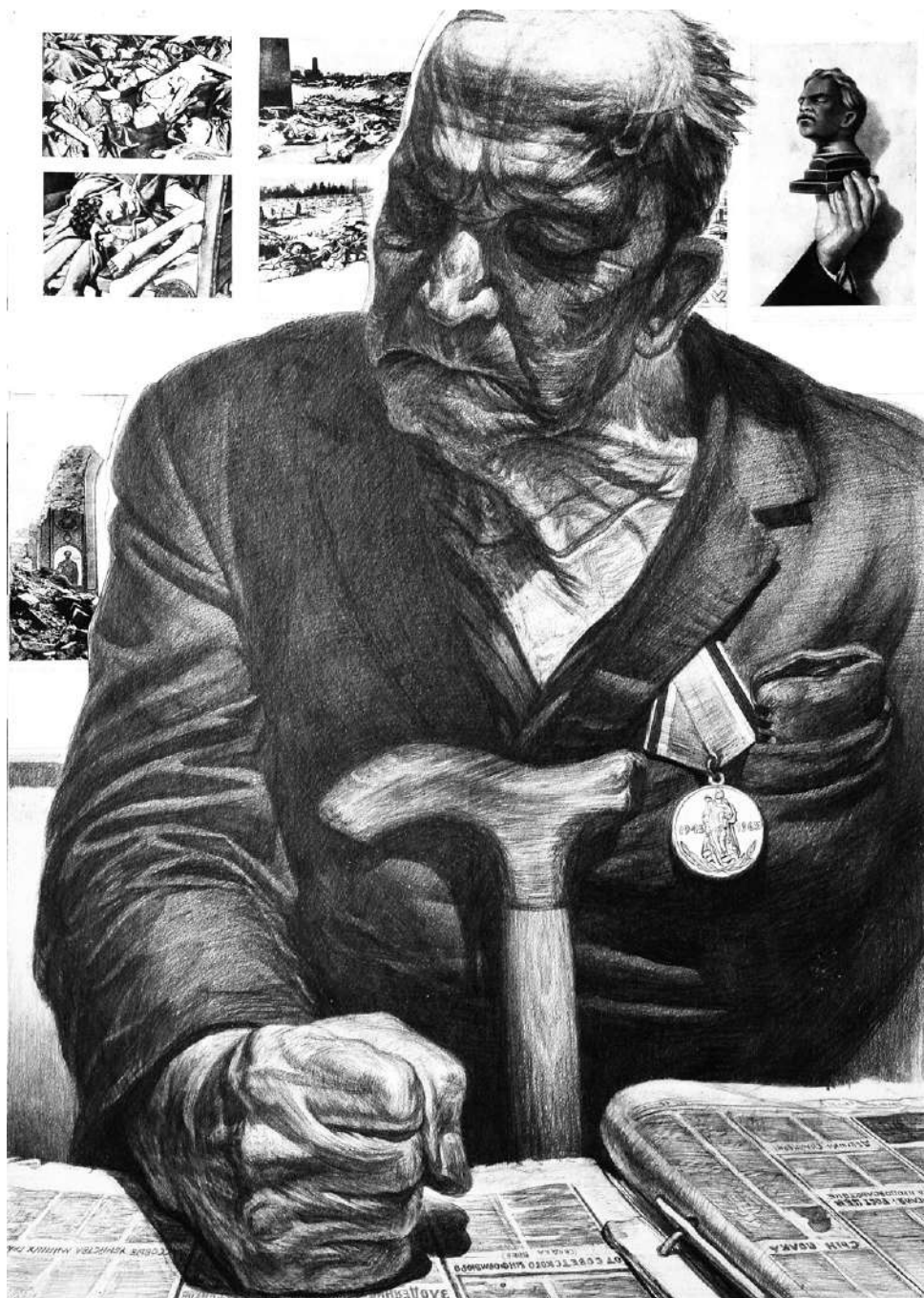
Тара. Русский пророк

Потом я поехал в Тару. Там я сделал очень интересный рисунок Предупреждения безумного (сперва я назвал его Русский пророк). Позировал тоже инвалид войны, психически больной,

необщительный. Получился мощный антивоенный рисунок — как бы человек из своего безумного состояния предупреждает зрителей, показывает, к чему приводит война.

Реквием

В общем, жизнь инвалидов — это величайшие примеры для подражания. Они по-другому относились ко всему вокруг, больше ценили жизнь после войны, у них была какая-то стойкость духа, особое спокойствие от чувства так тяжело

завоеванной Победы. Это, конечно, уроки глубокой мудрости.

**Климовск.
Звездочкин.
Жизнь, прожитая честно**

Потом я решил сделать портрет одного старика, инвалида войны, он жил в отдельной комнате. Когда

я стал его расспрашивать о войне, он говорит: да сейчас сам увидишь, — и полез в шкаф, который стоял у него в палате. Вытаскивает оттуда и показывает мне свой китель на вешалке, а он весь в орденах и медалях, весь — и с правой стороны и с левой. Я говорю: так и держите, так я и попробую нарисовать — будто вы мне его показываете.

Остров Валаам. Неизвестный солдат

Захожу еще в одну комнату. Смотрю, человек лежит — без рук, без ног, укрытый маленьким одеяльцем, на белой простыни, на подушке, все очень чисто.

А он только смотрит на меня, смотрит. А я гляжу на его лицо, и мне кажется, что это как бы молодой новобранец. Но потом понимаю — нет, он не такой уже и молодой, это просто лицо у него застыло в том состоянии, когда его контузило, и с тех пор он не стареет. Он смотрит на меня и ничего не может сказать. А мне потом нянечки объяснили — он ничего не говорит, он контужен на фронте, его таким привезли откуда-то еще давно, и документов никаких при нем не было — кто он, откуда, где служил... Подобрали его уже таким где-то на поле боя.

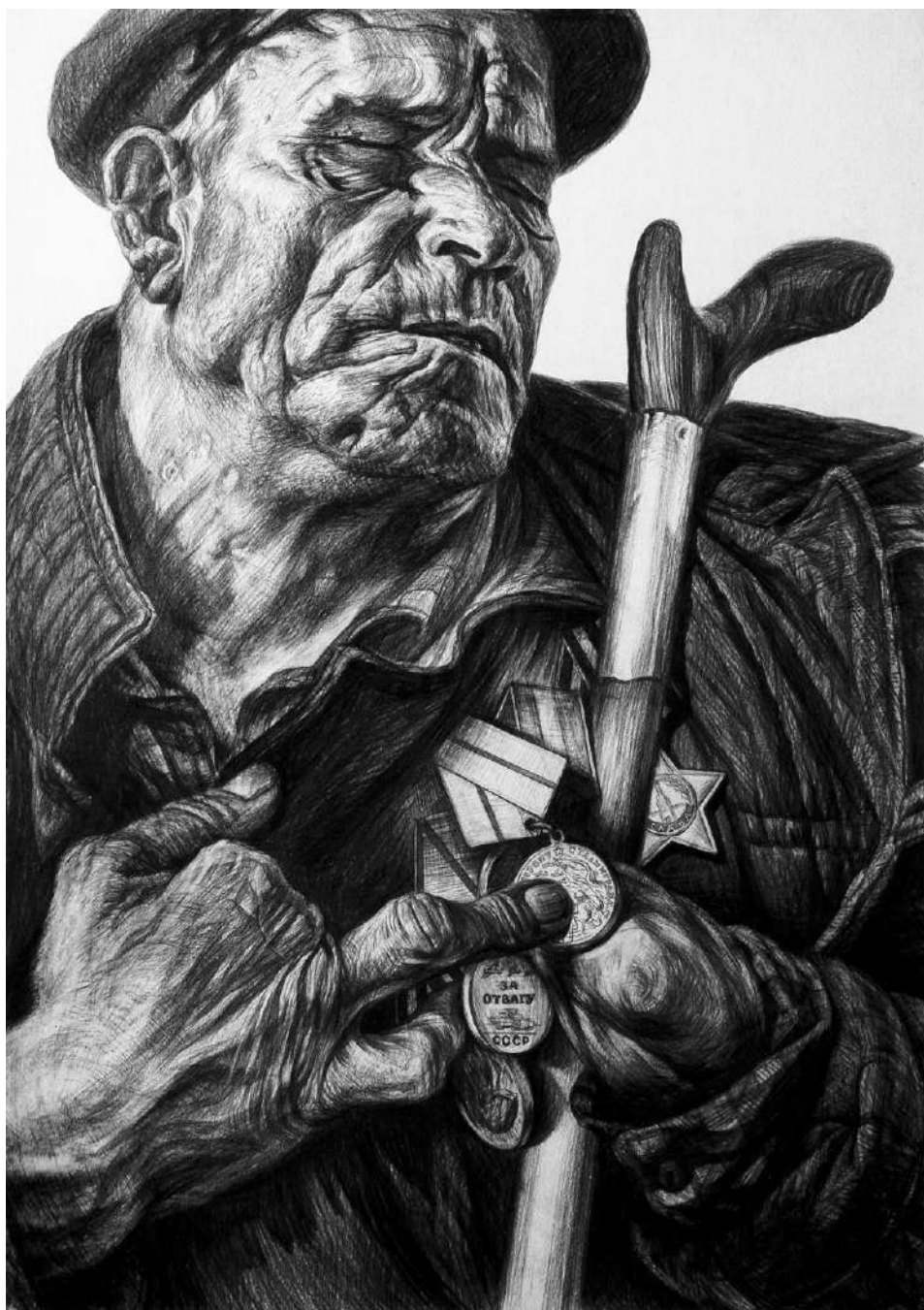
**Бахчисарай.
Лукин.
Я храбро бился**

И я начал рисовать инвалида по фамилии Лукин. Тело его до пояса держал металлический корсет, покрытый кожей. Только благодаря корсету он мог находиться в вертикальном положении и держать

голову. Трудно представить, как он себя чувствовал, закованные постоянно в эту броню. Лицо у него выглядело сурово, сам он вел себя очень нервно, неуравновешенно, частенько выпивал, отчего, видимо, в палате происходили ссоры (там все инвалиды имели тяжелые контузии)

**Бахчисарай.
Рассказ о медалях.
Там был ад**

Вначале я нарисовал одного слепого инвалида, которого привезли из Калининграда. Он имел несколько медалей, и одна из них за оборону Сталинграда.

Я его спрашиваю: за что эта медаль? И он ее стал нащупывать. На одной руке у него вообще пальцев не было, просто культия, а на другой руке — всего три пальца. И вот он культишкой снизу приподнял медаль на груди, а пальцем другой руки водит по этой медали, щупает рельеф и говорит: это за Сталинград, там был ад. (Я так и назвал рисунок Рассказ о медалях. Там был ад.) Сам он слепой, смотрит в сторону, клюшка тут у него, он ее прижал, чтобы не упала.

И вот в такой позе я его нарисовал.

Валаам.
Защитник Невской Дубровки.
Александр Амбаров

Рисовал я еще одного инвалида, Александра Амбарова. Этот амбаров тоже жил в отдельной комнате, не знаю, как он там жил, он был наполовину слепой. Я его спрашиваю: а почему у вас

лицо изрыто какими-то оспами? А он говорит: это не оспы, это следы пороха от разрядов, которые рвались рядом со мной, около моего лица, дробинки впились глубоко в кожу, их невозможно уже оттуда вытащить. (Они такими темными точками остались на щеках, на лбу, на носу — везде.) Кроме того, лицо его покрывали многочисленные шрамы, и не было левого глаза. Но Абрамов казался очень веселым и жизнерадостным.

Волгоград.
Лобачев Василий Иванович.
Поздравления в День Победы

Я прихожу, смотрю — это действительно прекрасная семья. Василий Иванович и Лидия Федоровна, и уже сын тут у них ходит взрослый. Мы

познакомились, и я начала рисовать их двойной портрет. Лидия Федоровна рассказала мне: когда я увидела его, что-то у меня в Душе перевернулось. А за мной ухаживали ребята здоровые — с руками, с ногами, и умные, и веселые, и талантливые, но я поняла — нет, нет, никого мне не надо, никто мне не нужен, кроме него, это моя судьба.

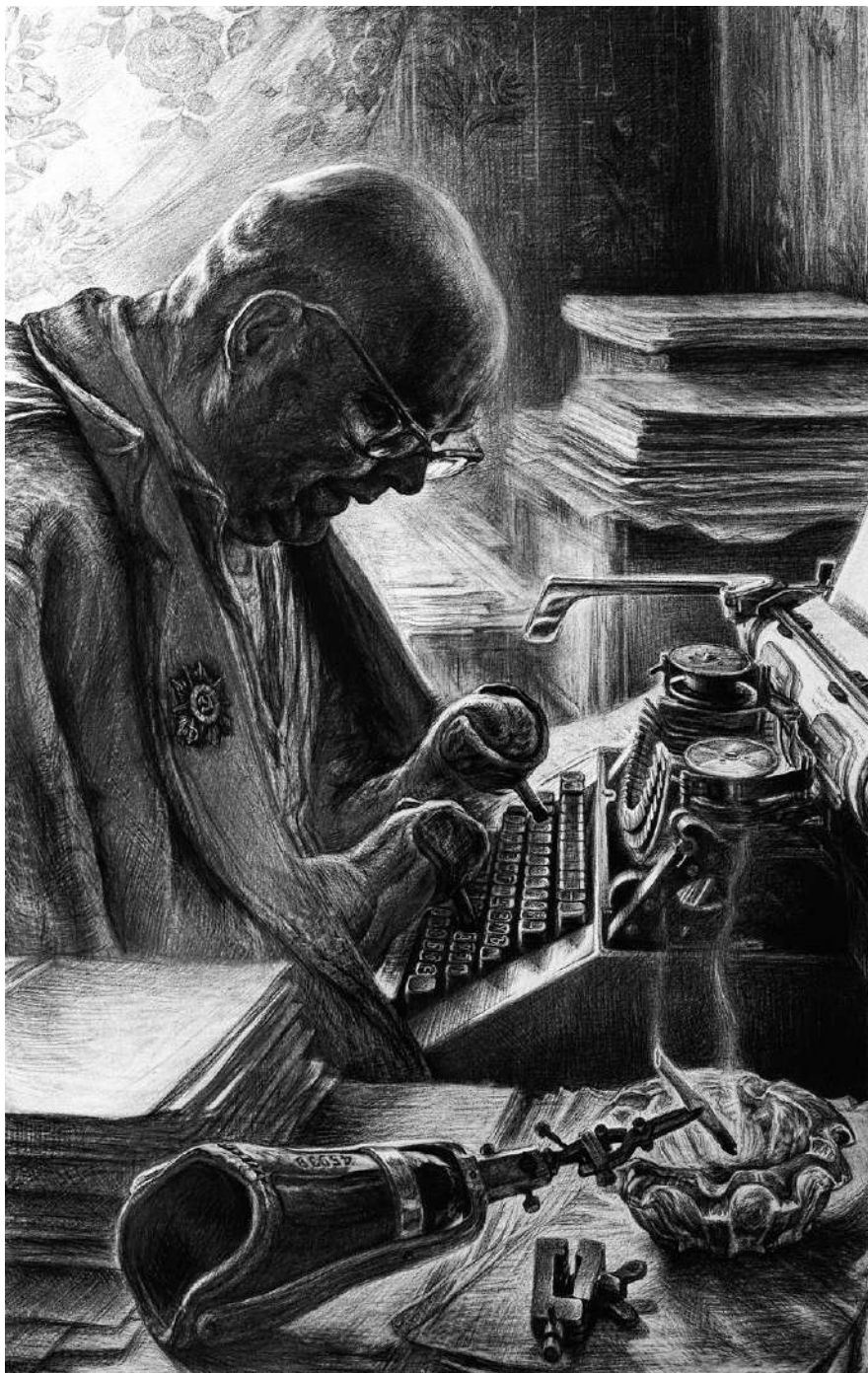
Сахалин. Полина. Книга о любви

И вдруг я вижу, что за моим же столом сидит женщина без обеих рук и пытается есть рыбу...И она ртом берет эту навагу, крутит, вертит, по столу — кусочек откусит, проглотит и опять эту рыбу ртом как-то теребит... И вот она села — к одной культи у нее прикреплена ложка, на другую руку она оперлась и задумалась. Перед ней на столе стоит тарелка. Я спрашиваю:

Полина, а ты читаешь что-нибудь? — Да, говорит, читаю, вижу хорошо. — А что ты читаешь? — Ну, разные книги читаю. Нравится читать книги о любви. И я тогда положил на стол перед ней книгу. Я долго ее рисовал. Полина сидела, никогда не жаловалась, что устала, и этот рисунок получился. Я его назвал «Книга о любви»

Москва.
Борис Милеев.
Фронтовые воспоминания

После работы в Подмоскowie я подумал — а ведь есть инвалиды еще и в Москве. И действительно, мне дали адрес Бориса Милеева, он жил на Коровинском

шоссе. А у Бориса не было кистей рук, чуть-чуть ниже локтя руки оканчивались культями. Но когда его оперировали, или после контузии, то раздвоили ему концы культей, получились такие захваты, и он ими что-то мог держать. Кроме того, когда я вышел на его балкон, то увидел в ящике десятки каких-то приспособлений, зажимов, пилу, молоток, клещи — и все это привинчивалось к протезам, которые он одевал на руки. Еще он много курил и вот этими зажимами держал сигарету, кроме того у него была пишущая машинка, и он постоянно на ней стучал.

**Село Данки.
Алексей Чхеидзе.
Освободитель Будапешта**

Его звали Алексей Чхеидзе. Я договорился с ним, и он стал позировать. На ампутированные руки он

надевал протезы на лямках с черными перчатками, открытые глаза его не видели, там тоже находились протезы, а в голове у него были вставлены пластины. Я сперва даже рисунок хотел назвать «Человек-протез». В войну он был морским пехотинцем — это такие части, которые снимались с кораблей и воевали на берегу. Во время освобождения Будапешта пришел приказ — сохранять памятники культуры. И перед группой, куда входил Чхеидзе, встала задача-овладеть королевским дворцом в центре Будапешта. это красивейшее здание с великолепными башнями и куполами казалось неприступным. Тогда морские десантники воспользовались внутренними секретными картами дворца, проникли внутрь по какому-то тайному канализационному входу и почти без выстрелов захватили там немецкий генералитет, верхушку армии.

Но на обратном пути их флотилия подорвалась на mine. Алексея Чхеидзе сильно контузило, его вытаскивали из воды уже без рук, без глаза, с повреждением головы. Сразу положили в госпиталь, потом перевезли в Россию. Он был молодой, высокий, крепкий. Подлечили, стали выписывать. А он говорит: я не могу ехать домой в таком виде. меня там все начнут жалеть, слезы лить, нет, я не поеду в Грузию. И он остался в России, оказался в этих Данках.

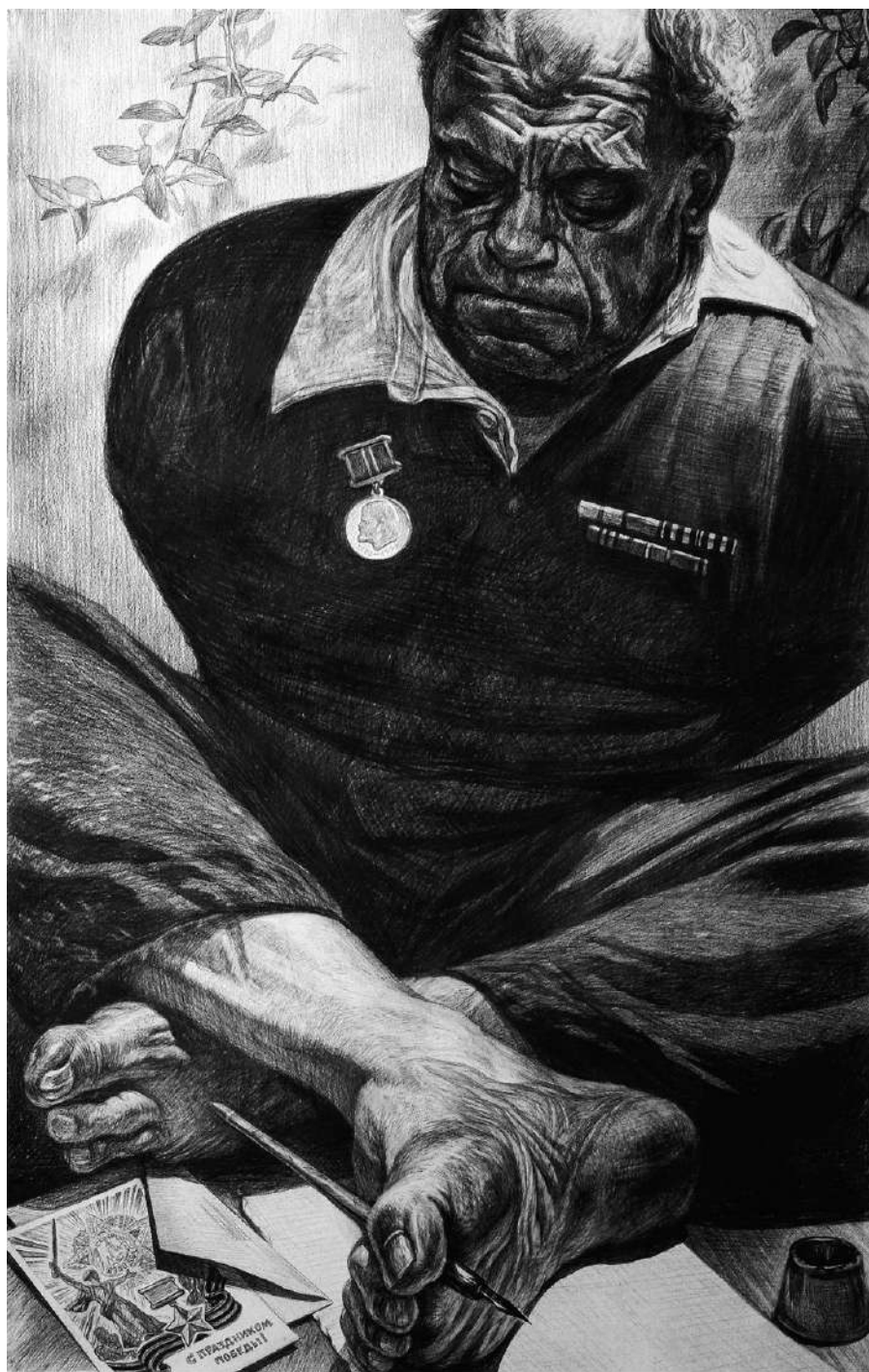
Волгоград. Опаленные войной

Потом я поехал в волгоградский интернат. Пришел туда, познакомился с инвалидами войны и увидел женщину без обеих рук. Я ее спрашиваю: как вы здесь оказались? Вы откуда-то приехали? — Она говорит: нет, это мой родной город, я тут жила еще до войны, но руки потеряла в другом месте. (она воевала, а после контузии ее привезли на родину, в Волгоград)

Когда, говорит, я сюда приехала и увидела, что стало с моим городом — это не передать. тут, говорит, ни одного дома целого не осталось, ни одного...

Кучино. Письмо другу-однопольчанину

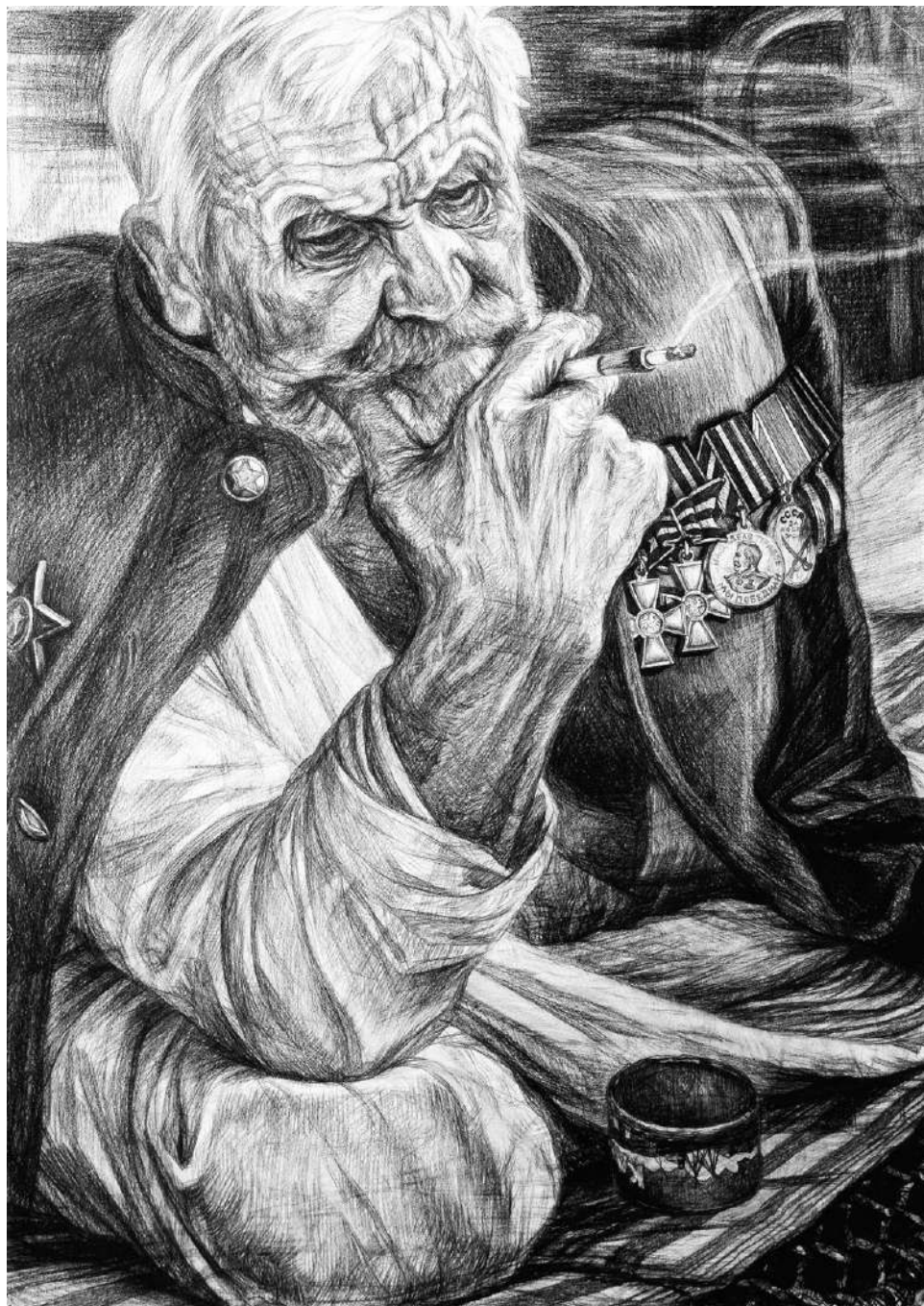

После Данков я поехал в Кучино. Там жил бывший солдат без обеих рук, но он научился писать пальцами ног. Смотри, говори, я сейчас товарищу напишу. Тут у него чернильница-непроливашка,

бумага, конверт « с Днем Победы». И вот он пальцами ноги зажимает ручку, макает в эту чернильницу-непроливашку и начинает писать. Написал «поздравляю».

Я читаю, все понятно, как бы даже ровно. Он говорит: так и рисуй меня, а я буду писать письмо.

**Бахчисарай.
Старый воин.
Михаил Казатенков**

Я подошел к другому пожилому инвалиду. Он был без обеих ног, прошел несколько войн, оказалось, что ему уже девяносто лет. На кителе у него висели ордена и медали, и георгиевские кресты еще за

Первую мировую войну. Он сидел на кровати, курил, смотрел задумчивыми глазами, имел большие крестьянские руки с мощными пальцами и выглядел еще довольно бодро. Я его нарисовал и назвал рисунок «Старый воин». Этот рисунок много раз показывался на выставках и печатался в прессе.

Такмык. Отдых в пути

Я стал рисовать инвалида без обеих ног. У него была четырехколесная низенькая колясочка, на которой он передвигался. И вот он ее подставил под руку, оперся на нее, в другой руке у него сигарета, и он задумался — чувствуется, что человек прошел долгий путь, что он устал и решил отдохнуть. На груди у него здесь медали, ордена, есть иностранные.

Я так и назвал эту работу «Отдых в пути», удачный получился рисунок. Тут уж я использовал эти чешские карандаши во всю силу, во всю мощь — там и черные пятна, и серый тон пиджака, и темный силуэт на светлом фоне. Пока я рисовал, мы, конечно, разговаривали, он о себе рассказывал, вспоминал войну... Война, говорит, это не только страдания каждый день. Если бы только страдали — никогда бы не победили, дух еще у солдат был очень

веселый. Мы, говорит, даже когда отступали, ни на минуту не сомневались, что пойдём снова вперед.

Сахалин. Старая рана

Начал я рисовать одного инвалида войны, который был штыком ранен в горло. К старости ранение осложнилось, у него стояла трахеостомическая трубка, сам он дышать не мог, дышал через трубку.

**Остров Валаам.
Саша Подосенов.
Ранен при защите СССР**

Я сразу пошел рисовать. Пришел в первую большую палату, которую мне показал директор. Иду по палате, с двух сторон стоят койки, проход, опять койки. С правой стороны расположены окна, дальше

глухая стена, а тут двери. И лежат эти инвалиды. Тишина, тихо. А за окном лето в разгаре (начало июня). Окна открыты, сирень цветет, солнце пробивается. Я иду, иду, до конца почти дошел. Вижу — сидит в кровати молодой мужчина, совсем-совсем молодой. Он оперся на столик, который перед ним, подушки тут у него. А голова — я смотрю — пробита пулей на вылет. И не то что маленькое какое-то отверстие, а как бы насквозь пробит череп, то есть зияли две дыры, затянутые кожей. И с этими двумя отверстиями на самом видном месте он жил. Звали его Саша Подосенов.

Климовск.

Цена нашего счастья

Я начал рисовать одного очень тяжелого инвалида войны — без рук, без ног, лежал он на животе. я его рисовал несколько дней и решил денек передохнуть, съездить в Москву. Поехал. А когда вернулся, прихожу — пустая кровать. Как? Где он? — А мне говорят: уже умер, лежал и скончался. Так рисунок остался у меня незаконченный. Но я уже так проникся этим человеком, так почувствовал его страдания, что смог продолжить рисунок без натуры, по памяти, и закончил его уже у себя дома.

**Ахтанак.
Армения.
Цветы ушедшему другу.
Хачик**

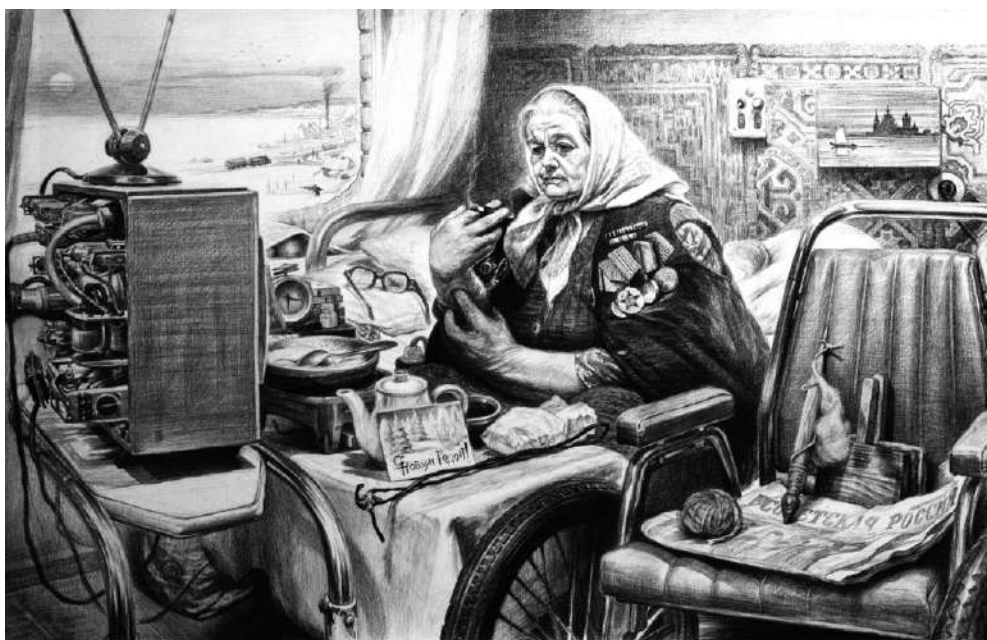

Нашел инвалида без ног (Хачик его звали),
который сидел, опершись на свою маленькую

колясочку.

И я сразу же задумал его портрет с цветами в руках (потом я назвал этот рисунок «Цветы ушедшему другу»). Он сидит, фуражка у него на этой тележке, в руках цветы, сам он смотрит в сторону. Мне кажется, получился выразительный рисунок, осязаемый — колеса тележки, ремни, руки его...как-то с восторгом я его рисовал.

Петрозаводск. Серафима Николаевна. Уголок России

Я, конечно, с удовольствием поехал в Петрозаводск, разыскал Серафиму Николаевну. Раньше на Валааме она жила на первом этаже, а там ее почему-то поместили в психиатрическом отделении чуть ли не на шестом этаже. Я, не теряя времени, сел ее рисовать. Она смотрела какой-то старенький телевизор, у которого сзади даже крышки не было, и все телевизионные внутренности — лампы, провода, штыри всякие — все это торчало снаружи. В комнате вместе с ней жили еще три женщины, одна из них психически больная.

**Село Троицкое
Московской области.
Начало рабочего дня**

Я не всегда записывал истории моих натурщиков, моя задача была создать образы жертв войны изобразительными средствами.

Фронтовик

Искусство тоже подчиняется этому (нравственному) закону и зависит от того, принимает ли этот закон сам художник. Вот говорят, что у Рембрандта, у Рафаэля высокое искусство. Но оно потому и высокое, что гармонирует с понятием о

нравственном законе и нравственных заповедях, по которым все и должны жить.

Художник

Геннадий Михайлович Добров

- **1937 г.** Родился в Омске в семье художников
- **1951-1956 гг.** Учёба в Московской средней художественной школе им. В. И. Сурикова.
- **1953 г.** Первая публикация акварелей в журнале «Пионер».
- **1954 г.** Первое участие в художественных выставках.
- **1956-1962 гг.** Студент МГХИ им. В. И. Сурикова.
- **1962-1974 гг.** Работал милиционером, санитаром в больницах, пожарником в театре.
- **1974-1980 гг.** Создание серии рисунков «Автографы войны».
- **1974 г.** Принят в Московский Союз художников.
- **1978-1981 гг.** Работа в технике литографии, офорта. Живописные портреты.
- **1981-1982 гг.** Создание картины «Прощальный взгляд».
- **1982-1986 гг.** Работа над картиной «Бред преследования».
- **1987 г.** За серию «Автографы войны» награждён медалью «Борцу за мир».
- **1989-2001 гг.** Творческие поездки в Афганистан. Создание серии «Молитва о мире».
- **1992-2006 гг.** Работа над картиной «Воспоминания о коммуналке».

- **1994-2000 гг.** Посещение бывших фашистских концлагерей.
Серия «Реквием».
- **1996 г.** За серию «Реквием» присвоено звание
«Заслуженный художник РФ».
- **1997 г.** Серия «Автографы войны»
выдвигалась на Гос. премию РФ
- **1999-2004 гг.** Поездки в 124 лабораторию г.
Ростова-на-Дону.
Рисунки «Международный терроризм».
- **2002-2004 гг.** Работа над графической
серией «Душевнобольные России».
- **2003 г.** За серию «Молитва о мире»
присвоено звание
«Заслуженный деятель искусств РФ».
- **2004 г.** Серии «Реквием», «Автографы
войны», «Молитва о мире», «Международный
терроризм» и «Душевнобольные России»
объединены в большой цикл «ЛИСТЫ
СКОРБИ». Присуждение
Диплома Академии художеств РФ за серию
станковых
рисунков из цикла «ЛИСТЫ СКОРБИ».
- **2004 г.** Две поездки в г. Грозный. Создание
рисунков «Я любил этот город».
- **2008 г.** Поездка в Нью-Йорк на открытие
персональной выставки
«Зарисовки в память о жертвах Холокоста и
их освободителях»
в штаб-квартире ООН.
- **2008 г.** Выставка «Реквием» в Эндикотт-
колледже в США
(шт. Массачусетс).

- **2008 г.** Сентябрь-октябрь. Поездка в разрушенный Цхинвал.
Создание рисунков «Южно-Осетинская трагедия».
- **2009 г.** Работа над графической серией «Покаяние» в Свято-Геннадиевом монастыре Ярославской обл. и на Соловецких островах.
- **2010 г.** Присвоение почётного звания «Народный художник РФ».
- **2011 г.** Избрание членом-корреспондентом Российской Академии художеств.
- **2011 г.** Скончался 15 марта в 1-ой Градской больнице после тяжёлой болезни. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Участник 68 художественных выставок (московских, республиканских, всесоюзных, персональных и международных). Имеет более 350 публикаций и показов в СМИ. Работы хранятся в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., в Центральном Историческом музее и в Музее капитуляции Карлсхорст (Берлин).

Из писем художника Геннадия Доброва жене Людмиле с острова Валаам

(июнь-июль 1974 г.)

22.06.1974 г... Сейчас рисую второй портрет инвалида войны. Хожу в библиотеку, ищу в книгах ордена и медали, потому что свои он — этот типичный русский Иван — растерял, да роздал детям на игрушки. Вот где Русь несчастная! В чистом виде. Ангелы, а не люди, ни в ком, ни капли лжи, души нараспашку. Я уже двери закрываю на ключ в своей комнате изнутри. Приходят, рассказывают о себе. И наплачешься, и насмеёшься с ними. А песни какие поют! Я таких и не слышал никогда, самые окопные какие-то, и откуда они их берут? Меня тут балуют: возили на моторной лодке на дальний остров, осматривал там развалившуюся деревянную церковь, колодец, монашеский дом. У тебя есть книга про Валаам. Найди там остров святого Иоанна Предтечи. Предтеченский остров. Вот я там был. Необыкновенная красота. Русь, Генри, Русь тут, русская земля. И это тут здорово ощущается...

23.06.1974 г... Сейчас я рисую инвалида двух войн — финской и отечественной. Воевал в Карелии с финнами, был ранен, обморозил обе ноги, потом с немцами, всё время на передовой, в окопах. Без глаза, пуля прошла через оба глаза, весь изрешечен пулями и

осколками. А жена его в это время, как он погибал на «Невской Дубровке», жила с финским офицером всю войну, а сейчас опять с этим инвалидом живёт. А он тут напился и говорит: «Ты бы простил?» ...

29.06.1974 г... Генри! Странные вещи со мной происходят на Валааме. Я возвращаюсь к тем же темам, которые волновали меня в Москве. Больше того, я не могу ничего другого здесь рисовать. Таким образом, Валаам для меня уже не представляет никакого интереса сам по себе, и мне всё равно, где я — на Валааме, или ещё где, раз я не могу уйти от самого себя. Я сам очертил себя кругом, за который мне уже нет выхода. Жизнь простирается во все стороны, и тем для рисования масса, а я верчусь в своём кругу, и не могу из него выбраться. Калеки, сумасшедшие, пьяницы, да изредка картины природы — вот мои «белые ночи», — вот то немного, что я тут рисую. И ничего другого рисовать не могу. Таким образом, акварель уже не нужна. Здесь сейчас много художников и художниц, целая практика какого-то института, на всех углах рисуют, пишут. А я хожу со своими психохрониками в голове и вижу в природе одних несчастных калек да пьяниц...

01.07.1974 г... Сегодня дома не ночевал, ездили с инвалидом на лодке, на вёслах на «святой» остров, там были всю ночь, осмотрели церковь, пещеру Александра Свирского и его могилу, в которой он спал каждую ночь. В его пещере я долго сидел и думал о нём. Он прожил на острове один 33 года, дав обет молчания за свой грех...

02.07.1974 г... Но нужна твоя помощь. Здесь русские Иваны да Марьи воевали-воевали, награды себе завоевали, а сохранить, как и следовало ожидать ... не смогли. Кто пропил, кто на блёсны переделал свои

ордена, у кого украли. Словом, ни у кого ничего нет. Пойди, мой друг, в военный книжный магазин и спроси, нет ли у них пособий «Награды Родины», «Ордена, медали и значки СССР периода Отечественной войны». Если есть, то купи и мне вышли. Может быть в виде плакатов у них есть, или отдельных брошюр, книжечек. Здесь есть воинская часть, но у них ничего нет, я уже спрашивал... ..Очень красивый крест висит у меня над столом с древними буквами. А над кроватью висит в самодельной рамке (инвалид, который умер, сам делал их) Мадонна с младенцем (фото). На полочке — ландыши, камни, мох, кора деревьев. На столе — финское евангелие маленькое. В общем — келья. И даже потолки со сводами. Так я живу....

04.07.1974 г... Я рисую третий портрет, но неожиданно выключили свет, и теперь работа на несколько часов сорвалась. Здесь прошлый год с 12 до 17 ч. отключали свет ежедневно. А в этом году только второй раз. При дневном свете темно рисовать — на улице дождь, туман. Ходят тут все в резиновых сапогах, свитерах и штормовках. Никто тут не купается и не загорает. Редко-редко день выдастся хороший, а то всё дожди и туманы. Туманы тут такие, что за 3 метра ничего не видно. Собор наш не видно даже во дворе. ...Меня пугает, что ты так боишься всяких страданий, и так старательно от них отгораживаешься. Я тут вожу на коляске больных в баню, мою им руки и спину, таскаю их, перетаскиваю, вожу на коляске, помогаю, чем могу, и ничем не брезгую. И кушаю с ними вместе. А тебя всё это пугает... Циничная компания тебе по душе, с кокетками на работе ты находишь общий язык, а с русскими людьми, со страдальцами, которые воевали из-за нас с тобой и которых война изуродовала — с

ними ты брезгуешь встретиться, боишься свою нервную систему потревожить...

05.07.1974 г... Идут проливные дожди, свет выключили на 5 дней. Сижу в темноте. Работа срывается... Сегодня хоронили инвалида, он умер в уборной. Я был на кладбище, в дождь и грязь уложили. Вот конец наш...

08.07.1974 г... Завтра, если не будет дождя, повезу на кладбище в Сортавала свою натурщицу. Еду на её деньги, т.к. своих нет. Но она так хочет. Я почти закончил её портрет. Это будет третий. Три портрета сделал за месяц и 30 рисунков тушью, по рисунку в день делаю. Совсем ничего не читаю и не гуляю. Тут холодно. Идут дожди, сыро. Небо всё в тучах...

17.07.1974 г... Сегодня начал рисовать инвалида психотроника на Никольском острове. Рисую прямо в палате, где ещё 5 психохроников смотрят со своих кроватей на мою работу, только они не могут встать и даже что-либо сказать мне — так они слабы и больны. После работы ездил на велосипеде в лесничество. Я не думал, что так плохо катаюсь, несколько раз падал с велосипеда, правда и дорога была сырая, и всё горы, да ямы, да лужи... Время летит в июле стрелой, только дни мелькают. Кормят плохо. Мясо тухлое (суп я не ем). А на второе — каша, на завтрак и ужин — каша. Всё опротивело. Но работается тут удивительно легко и хорошо. Это — мой остров...

20.07.1974 г... Не знаю, молилась ты за меня или нет. Только я в течение 2-х с половиной дней начал и закончил рисунок инвалида на Никольском острове. Я считаю это большим успехом, как по времени, так и по тому, что я нарисовал. Сегодня же я целый день

зеваю и сплю. Видно это разрядка после напряжения в работе на этом острове, где так всё необычно — и грустно, и смешно, и страшно... Сейчас буду работать снова над своим «баламутом», как я его прозвал за непоседливый и взбалмошный характер. Но теперь я спокойнее, потому что один рисунок сделал, а этот баламут будет второй, а впереди ещё 20 дней. Два-то рисунка вполне успею сделать. Отец мне тоже прислал письмо — работает над Ленинской темой и очень этим доволен. Нашёл себя. В конце концов это главное для каждого художника — найти себя, свою тему, над которой можно спокойно и долго и с удовольствием работать...

22.07.1974 г... Я возил свою натурщицу Симу Комиссарову 8 июля на кладбище в Сортавала, 8 км вёз её коляску по грунтовой дороге до кладбища, да 8 км обратно. А теперь Юра Писарев (с Никольского) просит, чтобы я его свёз в Кемери (16 км от Сартавала) к больной сестре в психбольницу на 2 дня. И я не могу отказать, хотя может дирекция ещё не разрешит. Другой Юра, парализованный, просит, чтобы я его снёс в лес на муравейник (я один раз его носил на себе, ещё хочет). Я вожу больных в баню и из бани, вообще, всем слуга. Все удивляются, что за человек, первый раз, говорят, такого видим. Художник, интеллигент, а такой простой. Один пьяный инвалид говорит мне: «Спасибо за внимание к людям». Все предлагают мне выпить 10 раз на день..., но я от всего отказываюсь... Ведь этот остров был святой...

25.07.1974 г... Я закончил 5-ый портрет, этого «баламута». На последних сеансах он устраивал у меня под носом «пляску с топотом и свистом под говор пьяных мужиков» ...

29.07.1974 г... Несколько дней (вечеров) провёл на Никольском острове среди психохроников. Вozил своего друга Юру Писарева на коляске на улицу. У него ни руки, ни ноги не двигаются. Я привёз на Никольский остров коляску, и его перетаскивал в коляску, а потом вёз к церкви. Там мы сидели и смотрели, как солнце садится в тучи. Уже в озеро солнце не садится с июня (всё время тучи). А потом я его вёз обратно в палату. А один раз приехал к нему на лодке, и сначала вывезли его на коляске, потом на руках по крутому скалистому берегу спускали его в лодку. И так же обратно... Катал его по озеру, и мы беседовали... Он тут самый умный.